

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Три
свидетеля

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Годхантер Стаут

Три свидетеля

Серия «Ниро Вульф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549582

*Успеть до полуночи: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2021
ISBN 978-5-389-20269-6*

Аннотация

Ниро Вульф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На финальном этапе конкурса, который устраивает парфюмерная компания, убит один из организаторов, а из его бумажника исчезают ответы на заключительные вопросы. Под подозрением все пять финалистов, и, чтобы избежать скандала, организаторы просят Вулфа найти листок с ответами. Вопреки мнению полиции Вулф придерживается версии, что человек, укравший ответы, и убийца – одно и то же лицо.

К Ниро Вулфу обращается человек с просьбой найти сына, ушедшего из дому одиннадцать лет назад. Блудного сына довольно быстро удастся найти, но находят его в тюрьме, где тот

сидит по обвинению в убийстве. И Вулфу необходимо доказать его невиновность.

Кроме романов «Успеть до полуночи» и «Лучше мне умереть», в сборник вошли еще три повести об очередных делах знаменитого сыщика.

Содержание

Умри как собака	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	46
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рекс Стаут

Успеть до

полуночи (сборник)

Rex Stout

THREE WITNESSES

Copyright © 1954, 1955 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

© Т. Н. Чернышева, перевод, 2021

© М. А. Гресько, перевод, 1994

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Умри как собака

Перевод Т. Чернышевой

Глава 1

Иногда я люблю пройтись под дождем, хотя мне больше нравится, когда светит солнце, легкий ветер не поднимает пыль. Но в ту дождливую среду у меня была причина для прогулки посерьезнее: я хотел проверить его плащ в деле и хотел, чтобы плащ был мокрым, когда буду его возвращать. Потому, надев чужой плащ и свою старую коричневую фетровую шляпу, я вышел из дому и пешком направился на Арбор-стрит в Гринвич-Виллидже, до которой от нас примерно две мили.

Дождь на полпути прекратился, кровь у меня горячая, и я снял этот плащ, сложил мокрой стороной внутрь, повесил на руку и пошел дальше. Арбор-стрит, узкая улочка всего в три квартала, застроенная по обе стороны кирпичными, по большей части четырехэтажными домами, не так чтобы старыми или новыми. Дом под номером 29 стоял примерно посередине первого квартала.

Я подошел к дому, но в подъезд не вошел. Возле дома шла вечеринка. На проезжей части стояла припаркованная вторым рядом полицейская машина, а на тротуаре коп в форме что-то говорил небольшой группке граждан. Подойдя поближе, я услышал, как он задает вопрос: «Чья это собака?» – явно имея в виду мокрую черную псину, стоявшую там же на тротуаре. Я не слышал, чтобы кто-то ответил, что

его, но, если и ответил, я мог это пропустить, поскольку в тот момент отвлекся. К дому подъехала еще одна полицейская машина, встала позади первой, из нее вышел человек, протолкался к подъезду, на ходу кивнув полицейскому, и скрылся за дверью, над которой висела табличка с номером 29.

Дело в том, что этого человека я, мягко говоря, знал. Сержант Пэрли Стеббинс из отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена в дрожь меня одним своим видом не вгоняет, хотя и это преуменьшение, однако его присутствие здесь, как и поведение ясно указывали на то, что в доме есть мертвое тело, и если я начну добиваться разрешения войти в дом по той причине, будто мне нужно отдать плащ парню, который утром по ошибке ушел в моем, то нечего и гадать, что последует дальше. Мое внезапное появление рядом с местом убийства пробудило бы в Пэрли все его худшие подозрения, а также воспоминания о наших предыдущих встречах, и я вполне мог бы опоздать к обеду, а Фриц в тот день готовил голубей на гриле под темным соусом, который называется «Venitienne»¹, а это его кулинарный шедевр.

Пэрли скрылся за дверью, меня не заметив. Полицейского я видел впервые. Когда я, замедлив шаг, обходил его на узком тротуаре, он взглянул на меня и спросил:

– Ваша собака?

Пес ткнулся носом в мое колено, и я наклонился погладить его мокрую черную голову. Я сказал полицейскому, что

¹ Венецианский (*фр.*).

нет, не моя, и пошел дальше. Свернул на углу направо с намерением идти домой. Первые два квартала я шел, отыскивая глазами такси, ни одного не увидел и решил, что тогда прогуляюсь еще раз. Ветер дул западный, но после дождя все было еще мокрым.

Широким шагом я прошел уже бóльшую часть пути, когда заметил собаку. В тот момент я стоял на светофоре на Девятой авеню в районе Двадцатых улиц и вдруг почувствовал, как моей ноги что-то коснулось. Это оказался он. Я машинально протянул руку, чтобы погладить его, но быстро убрал. И пришел в замешательство. Пес, по-видимому, выбрал меня в спутники. Если я продолжу идти как шел, он пойдет за мной дальше, а отогнать, например, камнем пса на Девятой авеню нельзя. Я мог бы взять такси и так от него сбежать, но это было бы грубо по отношению к псу, который оценил мое обаяние. Я заметил ошейник с жетоном, и значит, можно было найти хозяина. В нескольких кварталах от нашего дома находился полицейский участок, и я решил, что проще и дешевле всего отвезти его к ним. Я сделал шаг к проезжей части, намереваясь поймать такси, и в ту же секунду на меня налетел шквал, сорвал с меня шляпу и унес на середину дороги.

Я встал как столб, и видели бы вы эту картину. Пес шмыгнул перед самым носом большого грузовика, ударив хвостом по его левому переднему крылу, затем притормозил, пропуская легковушку, снова скакнул, оказался под другой легко-

вушкой – вернее, мне показалось, что под ней, – после чего я увидел его уже на противоположной стороне улицы. Он махнул моей шляпой почти по земле перед каким-то прохожим, развернулся на сто восемьдесят градусов и помчался назад. Второй переход был не таким эффектным, но тоже впечатлял. Пес встал передо мной и завилял хвостом, задрав голову. Я забрал свою шляпу. Во время этого неожиданного путешествия она явно попала в лужу, но мне показалось, что, если я ее теперь не надену, он будет разочарован, и потому надел. Это все и решило. Я поймал такси, усадил собаку рядом с собой и назвал водителю адрес Вулфа.

Я собирался отвести этого любителя поиграть со шляпами в свою комнату, дать ему там немного отдохнуть, после чего позвонить в Американское общество защиты животных, чтобы кого-нибудь за ним прислали. Но не видел причин упустить возможность подразнить Вулфа, а потому, войдя вместе с собакой в дом и оставив плащ и мокрую шляпу на вешалке, я направился в кабинет.

– Где тебя носит? – недовольно спросил Вулф. – Мы собирались в шесть часов заняться перечнями, а сейчас без четверти семь.

Он сидел за письменным столом в своем огромном кресле с книгой и на меня даже не взглянул. Я ответил:

– Относил этот чертов плащ. Только не отнес, потому что...

– Что это? – рявкнул он, сердито глядя на моего гостя.

– Псина.

– Вижу, что псина. У меня нет настроения шутить. Убери его отсюда.

– Есть, сэр, убери. Могу отвести к себе, но ему, разумеется, придется пройти мимо кабинета, когда я поведу его выгуливать. Легавый пес, натаскан на шляпы. Это, конечно, проблема. Зовут его Неро, что, как вы знаете, означает «черный», потому кличку теперь придется сменить. Эбонит вроде тоже звучит неплохо... или Джет, или Нерон, или...

– Тьфу, клоун!

– Никак нет, сэр. Мне тут чертовски одиноко, особенно когда вы четыре часа торчите в своей оранжерее. У вас – орхидеи, у Фрица – черепаха, у Теодора – попугайчики, так почему бы мне не завести собаку? Признаю, кличку нужно сменить, хотя он под ней зарегистрирован – чемпион породы Неро Уголек Бантискути. Могу предложить...

Я продолжал говорить, потому что нельзя было останавливаться. Это был лишь легкий ветерок, а я хотел вызвать грозу. Может быть, даже страшную грозу, такую, когда Вулф встанет и сам выгонит из дома эту зверюгу, а он вдруг посмотрел на Неро с таким выражением, какого я еще не видел ни у кого, даже у себя. Мне было непросто, но я продолжал говорить.

– Это не легавая, – произнес Вулф. – Это лабрадор-ретривер.

Я не смутился. Если читать столько, сколько читает Вулф,

любая курица будет все знать.

– Да, сэр, – согласился я. – Я сказал «легавая» только потому, что было бы естественно частному детективу завести легавую.

– У лабрадоров самый крупный среди собак череп, и мозги у них больше. В моем детстве, в Черногории, у меня была коричневая дворняжка, с узеньким черепом, но тогда я не считал узкий череп дефектом. Не помню, чтобы я вообще находил у своей собаки дефекты. Сейчас, вероятно, отнесся бы к ней критичнее. Когда ты волок сюда этого пса, подумал ли ты о том беспорядке, какой он внесет в нашу жизнь?

Такого я не ждал. Это было что-то новенькое: наш толстый гений с удовольствием потерпит в доме собаку при условии, что отвечаю за все я, и значит, у него остается право ворчать и жаловаться, когда ему захочется. Что до меня, то, когда выйду на пенсию и перееду в деревню, там я заведу собаку, а может быть, даже две, но только не в городе.

Я дал задний ход.

– Кажется, нет, – сознался я. – Я и в самом деле нуждаюсь в друге, но черт возьми, для начала можно завести канарейку или хамелеона! Ладно, я от него избавлюсь. В конце концов, это ваш дом.

– Не хочу, чтобы ты по моей вине чувствовал себя обездоленным, – сдержанно возразил Вулф. – Мне проще смириться с собакой, чем с твоими упреками.

– Забудьте. – Я махнул рукой. – Буду помалкивать. Обе-

щаю вас ни в чем не винить.

– И вот еще что, – не сдавался он. – Я не желаю разрушать обязательства, которые ты на себя взял.

– Не брал я никаких обязательств.

– Тогда откуда он?

– Ладно, признаюсь.

Я прошел к своему столу, сел и начал рассказывать. Неро, который четвероногий, подошел и лег у моих ног, носом рядом с ботинком, но его не касаясь. Я рассказал все в деталях, как докладываю об итогах самых важных заданий в серьезных делах, и уже ближе к концу Вулф, разумеется, понял, что моя попытка представить Неро как возможного кандидата на пополнение нашего постоянного штата была всего-навсего розыгрышем. Тут он должен был бы четко изложить свое мнение о моем спектакле, но промолчал, и нетрудно было угадать почему. В голове у него засела мысль, что можно обзавестись собакой, свалив все на меня.

Когда я договорил до конца, он помолчал минуту, а потом сказал:

– Кличка Джет ему подошла бы.

– Ага. – Я извернулся и протянул руку к телефону. – Позвоню в общество защиты животных, пусть приедут, заберут.

– Нет, – заупрямился Вулф.

– Почему нет?

– Потому что есть способ лучше. Позвони кому-нибудь из своих знакомых в полиции. Не важно кому. Дай номер

бирки на ошейнике и попроси выяснить, кто хозяин. Тогда пса можно будет отдать непосредственно в руки владельцу.

Он явно тянул время. Если вдруг выяснится, что хозяин умер, или попал в тюрьму, или отказался от собаки, то Вулф скажет, что ответственность за нее теперь лежит на мне, поскольку это я привез собаку домой, и некрасиво было бы теперь ее выгнать. Однако спорить мне не хотелось, и потому я позвонил одному сержанту полиции, так как не раз оказывал ему небольшие услуги. Тот сказал, что в это время дня на выяснение может уйти времени больше, чем кажется, взял номер телефона Ниро Вулфа и пообещал перезвонить. Когда я повесил трубку, вошел Фриц и объявил, что обед готов.

Голуби с венецианским соусом удались очень даже неплохо, но все остальное в течение двух следующих часов было приправлено отнюдь не столь приятно. Разговор в столовой был по большей части односторонним и велся в основном о собаках. Вулф, как всегда, был на уровне – только информация и никаких душещипательных сантиментов. Он утверждал, что басенджи – самая старая порода на Земле, появившаяся в Центральной Африке около 5000 года до н. э., тогда как афганская борзая – только около 4000 года до н. э. Для меня это доказывало лишь то, что он читал книгу, с которой я его не замечал.

Ниро пообедал в кухне в компании с Фрицем и абсолютно его покорило. Вулф велел Фрицу называть пса Джетом. Фриц, когда принес салат, заявил, что у Джета прекрасные манеры

и он очень умный.

– Однако, – спросил Вулф, – не будет ли тебе мешать соседство с ним?

Напротив, ответил Фриц, такому соседству можно лишь радоваться.

После обеда я, посчитав, что пора немножко притормозить эту на глазах возникавшую Лигу собачьих святых, вывел Неро на краткую экскурсию по окрестностям, а вернувшись, отвел в свою комнату, где и оставил. Должен признать, что вел он себя неплохо. Если бы я хотел обзавестись собакой, живя в городе, то выбрал бы его. Когда я привел его к себе и велел ему лечь, он лег, а я направился к двери. Пес выразительно посмотрел на меня глазами цвета жженого сахара, давая понять, что хотел бы пойти со мной, но остался лежать на месте.

Я спустился, и внизу, в кабинете, мы с Вулфом занялись перечнями. Это были перечни сортов орхидей, которые ему присылали со всего света производители орхидей и коллекционеры, и это была еще та работка: нужно было просмотреть тысячи предложений, чтобы найти те несколько растений, которые Вулф, возможно, захочет приобрести. Я сидел напротив Вулфа за его же столом, уставленным карточными ящичками, и мы уже наполовину закончили, когда примерно в половине одиннадцатого раздался звонок в дверь. Я вышел в прихожую, щелкнул выключателем и, выглянув в одностороннюю стеклянную панель, увидел на крыльце знако-

мую фигуру инспектора Кремера из отдела по расследованию убийств Западного Манхэттена.

Я приоткрыл дверь на длину цепочки и вежливо спросил:

– Ну чего еще?

– Мне нужен Вулф.

– Поздно же. О чем речь?

– О собаке.

У нас полагается так: ни один посетитель, а особенно представитель закона, не может быть впущен в дом, пока Вулф не выдаст на его счет инструкцию, но мне показалось, что этот раз был исключением. Все мы помним, как Вулф отказывал в аудиенции людям рангом и повыше инспекторов. Если сейчас ему сообщить, что пришел Кремер, который желает встретиться с ним по поводу собаки, неизвестно, как он отреагирует.

Я раздумывал секунды две, после чего радушно распахнул дверь:

– Входите.

Глава 2

– Строго говоря, – заявил Кремер как человек, который прежде всего стремится говорить открыто и честно, – я хотел бы задать несколько вопросов Гудвину.

Он сидел перед Ниро Вулфом в красном кожаном кресле, почти заполнив его собой. Большое круглое лицо было не краснее, чем обычно, серые глаза не холоднее, голос не жестче. Все как всегда.

Вулф взъелся:

– Тогда зачем ты привел его, даже не спросив меня?

– Я сказал, что мне нужны вы, – вступился за меня Кремер. – Конечно нужны, вы же в курсе. Мне нужно знать, где сейчас этот пес. Где он, Гудвин?

Тон снова стал нормальным. После стольких лет знакомства Кремер иногда даже зовет меня Арчи, правда только в исключительных случаях.

– Пес? – переспросил я.

Кремер поджал губы.

– Ладно, объясню по-простому. Ты позвонил в участок, дал сержанту номер собачьего жетона и попросил выяснить, кто хозяин. Сержант выяснил: хозяин, некто Филип Кампф, был сегодня убит в доме номер двадцать девять по Арбор-стрит. Он сообщил о твоём запросе в наш отдел. Постовой, дежуривший возле дома, вспомнил, что собака ушла

вместе с человеком, который сказал, что это не его собака. Мы показали ему твою фотографию, и он узнал того, кто сманил собаку. Он со мной, сидит в моей машине. Привести?

– Нет, спасибо. Я не сманивал собаку.

– Пес сам увязался за тобой.

Я скромно развел руками:

– Бывает, за мной увязываются девушки, собаки, а иногда даже ваши сотрудники. Что поделаться...

– Не ломай комедию. Владелец собаки убит, а ты увел пса с места преступления. Где он?

Вулф не выдержал:

– Вы упорно пытаетесь обвинить мистера Гудвина в том, чего он не делал. Он не уводил собаку. Советую обосновать свои требования, если хотите, чтобы их выслушали.

Сказал он это твердо, но не враждебно. Я покосился на него. Наверное, он стал так вежлив, потому что у Джета теперь нет хозяина.

– Ладно, могу обосновать, – покивал Кремер. – Ричард Миган, который живет в том же доме и находился там, когда произошло убийство, сообщил, что утром приходил к вам и просил вас кое-что для него сделать. Говорит, вы отказались. Вот так. – Кремер выпятил подбородок. – Итак, что мы имеем. Человек, присутствовавший на месте убийства, говорит, что утром ездил к вам. Через полчаса после убийства возле дома появляется Гудвин и сманивает... ладно, предположим, не сманивает, но собака, принадлежавшая убито-

му, сама бежит за ним и попадает к вам. Как это выглядит со стороны? – Кремер опустил подбородок. – Вы прекрасно знаете, что при расследовании убийства я меньше всего хочу видеть вас или Гудвина ближе чем за десять миль от места преступления, так как по опыту знаю, чего от вас ждать. Но раз ты оказался рядом, то уж будь любезен объяснить, с какой стати, почему и как. Я хочу это выяснить и, ей-богу, выясню! Где собака?

Вулф вздохнул и покачал головой.

– В данном случае вы зря теряете время, – почти добродушно сказал он. – Что касается мистера Мигана, утром он позвонил, чтобы договориться со мной о встрече, и пришел в одиннадцать. Разговор был короткий. Он искал человека для слежки кое за кем, но не назвал ни имени, ни какой-либо другой конкретной детали, а когда заговорил о жене, слишком разволновался, и я решил, что речь идет о слежке за женой. Как вам известно, я делами такого рода не занимаюсь, потому даже не дослушал его. Мою профессиональную гордость уязвляет сам факт подобного предложения. Услышав отказ, он разозлился так, что выскочил отсюда как ошпаренный. В прихожей он сам снял с вешалки шляпу, а вместо своего плаща взял плащ мистера Гудвина. Арчи! Твоя очередь.

Кремер перевел взгляд на меня, и я подчинился.

– Я обнаружил подмену в середине дня. Его плащ того же цвета, что и мой, но мой новее. Когда он позвонил, то, договариваясь о встрече, назвал свое имя и адрес, и я думал ему

позвонить, чтобы вернул мой плащ, но в телефонной книге его номера не оказалось, в справочной сказали, что и у них его нет. Вот я и решил сходить к нему сам. Пошел я в его плаще. На Арбор-стрит возле дома номер двадцать девять собралась небольшая толпа, стояли полицейский и полицейская машина, а как только я подошел ближе, подъехала еще одна полицейская машина. Из нее вышел Пэрли Стеббинс и отправился в дом. Вот я и решил отложить возвращение плаща, чтобы избежать попыток в полиции. Там же, у дома, стояла собака, она ткнулась мне носом в колени, и я погладил ее. Если начнут пытаться, я признаю, что не нужно было ее гладить. Коп спросил, моя ли это собака, я ответил, что нет, и пошел домой. Я был...

– Ты позвал собаку, поманил ее?

– Нет. Я заметил ее на перекрестке на углу Двадцать восьмой улицы и Девятой авеню и только тогда понял, что пес увязался за мной. Я его не звал и не приманивал. Если вы мне не верите, если думаете, будто я проделал с псом какой-то фокус, то объясните, пожалуйста, зачем бы я звонил в участок и просил узнать имя владельца.

– Не знаю. С тобой и Вулфом никогда ничего не знаешь. Где он?

Я ответил раньше, чем Вулф успел меня остановить:

– Наверху, в моей комнате.

– Приведи его сюда.

– Хорошо.

Я поднялся и пошел было к двери, но Вулф резко меня окликнул:

– Арчи!

Я развернулся:

– Да, сэр.

– Нет никакой такой срочности. – Он обратился к Кремеру: – Это умная собака, но сомневаюсь, что она способна ответить на ваши вопросы. Я не хочу, чтобы она тут гуляла по моему кабинету.

– Я тоже не хочу.

– Тогда зачем ее сюда вести?

– Я заберу. Мы хотим с ее помощью кое-что проверить.

Вулф поджал губы.

– Сомневаюсь, что вам это удастся. Сядь, Арчи. Мистер Гудвин взял на себя некоторые обязательства перед собакой и должен их выполнить. Раз собака лишилась хозяина, значит и дома у нее теперь нет. Нам придется потерпеть ее здесь до тех пор, пока мистер Гудвин не получит убедительных гарантий ее будущего. Арчи?

Если бы мы были одни, я обозначил бы свою позицию без обиняков, но в присутствии Кремера не мог.

– Абсолютно согласен, – кивнул я.

– Поймите нас, как ни жаль, мы не можем позволить вам увезти собаку.

– Чушь! Я ее заберу.

– Неужели? У вас есть судебное постановление? Какое?

Вызов по иску о возврате владения движимостью? Ордер на арест важного свидетеля?

Кремер открыл рот и снова закрыл. Положил локти на подлокотники, сплел пальцы и подался вперед:

– Слушайте, вы и Миган говорите, возможно, правду, возможно, нет. Не знаю, посмотрим. Но собаку я забираю. Человек, которого убили, Кампф, жил на Перри-стрит, в нескольких кварталах от Арбор-стрит. Он пришел на Арбор-стрит к дому двадцать девять с собакой на поводке сегодня в пять двадцать. Управляющий домом – его зовут Ольсен – живет на цокольном этаже. В это время он смотрел в окно, которое выходит на улицу, и видел, как появился Кампф с собакой и вошел в подъезд. Минут через десять собака вышла без поводка, и почти сразу следом за ней вышел жилец. Виктор Таленто, адвокат. Снимает квартиру на первом этаже. Таленто говорит, что шел по делам, в холле увидел собаку, решил, что зашла бродяжка, и выгнал ее на улицу. Больше он ничего не знает. Так или иначе, Ольсен говорит, что Таленто ушел, а собака осталась стоять на тротуаре.

Кремер расплел пальцы и откинулся на спинку кресла.

– Минут через двадцать, примерно без десяти шесть, Ольсен услышал, как его кто-то зовет, вошел через черный ход, поднялся на один пролет на площадку первого этажа. В холле в тот момент находились двое: один живой, другой мертвый. Живой: Росс Чаффи, художник, снимает студию наверху – четвертый этаж. Мертвый: тот самый человек, которо-

го Ольсен видел с собакой. Он лежал у лестницы. Задушен поводком. Чаффи говорит, что шел по делам, увидел у лестницы труп. Больше он ничего не знает. Он стоял там, пока Ольсен ходил к себе, чтобы позвонить в полицию. Патрульная машина приехала в пять пятьдесят восемь. В шесть десять прибыл сержант Стеббинс. И Гудвин появился в шесть десять. Отлично выбрал время!

Вулф только хмыкнул, а Кремер продолжал:

– Могу сообщить подробности. Поводок нашли в кармане плаща, надетого на Кампфа. Эксперты говорят, он и есть орудие убийства. Расследование только началось. На вопросы отвечу в пределах разумного. Когда пришел Кампф, все четверо жильцов находились дома: Виктор Таленто, адвокат, живет на первом этаже; Ричард Миган, которому вы отказали, – на втором; Джером Эланд, исполнитель концертных номеров в ночном клубе, – на третьем; Росс Чаффи, художник, у него мастерская на верхнем этаже. Эланд говорит, что спал и ничего не слышал, проснулся, лишь когда мы начали стучать в дверь. Тогда он спустился и увидел труп. Миган говорит, ничего не слышал и ничего не знает.

Кремер снова подался вперед.

– Так что же там произошло? Кампф пришел, чтобы встретиться с одним из этой четверки, и взял с собой собаку. Он мог снять с нее поводок на первом этаже и оставить собаку ждать его там, но я сомневаюсь. Точно так же он мог вместе с собакой подняться в одну из квартир, но собака после

дождя была мокрая, и войти с ней не разрешили, а потому Кампф отправил ее вниз. Существует также вероятность того, что пес присутствовал при убийстве, но это мы поймем, когда приведем его туда. Вот за этим он нам и понадобился: привезем в тот дом и посмотрим, к какой двери он пойдет. Мы намерены сделать это немедленно. У меня в машине сидит человек, который знает собак. – Кремер встал.

Вулф покачал головой:

– Вы попали в затруднительное положение. Говорите, мистер Кампф жил на Перри-стрит. Он там жил с семьей?

– Нет. Он холостяк. Какой-то писатель. Ему не нужно было зарабатывать на жизнь, средства имелись.

– Значит, животное осиротело. Он у тебя, Арчи?

– Да, сэр.

Я поднялся и шагнул было к двери, но Вулф меня остановил:

– Одну минуту. Поднимись к себе, запри дверь и сиди там, пока не позову. Иди!

Я пошел. Тут либо исполнять, либо немедленно увольняться, но я увольняюсь, только когда у нас нет гостей. Кроме того, если допустить, что у Вулфа была серьезная причина не отдавать собаку, тогда его требование имело смысл. Поскольку мы сами впустили Кремера в дом, ордер ему не требовался. В любой момент он мог подняться ко мне и забрать собаку, а если бы я попытался остановить его силой, это могло бы затронуть некоторые деликатные моменты. А

взламывать запертую дверь он не стал бы, это другое дело.

Я не запер дверь, так как не запираю ее много лет и не помню, в каком ящике комода лежит ключ, а пока я искал бы его, Кремер мог неслышно подняться по ступенькам, которые у нас покрыты мягким ковром, поэтому я оставил дверь приоткрытой, встал рядом и стал слушать. Если услышу шаги, захлопну дверь и прижму ногой. Неро, то есть Джет, кому как больше нравится, тоже подошел, но я велел ему вернуться на место, и он вернулся без возражений. Снизу доносились голоса, не дружелюбные, но и не до такой степени взвинченные, чтобы до меня долетали слова, потом я услышал тяжелые шаги Кремера, который вышел из кабинета и потопал в прихожую, затем хлопнула входная дверь.

– Все в порядке? – крикнул я вниз.

– Нет! – раздалось в ответ. – Подожди, я тут запираю!

– Порядок! – через какое-то время крикнул Вулф.

Я закрыл за собой свою дверь, вышел на площадку и спустился в кабинет. Вулф, выпрямившись, сидел в своем кресле за письменным столом. При виде меня он рявкнул:

– Натворил дел! Притащил собаку, чтобы посмеяться надо мной, а теперь что?

Я подошел к своему столу, сел и спокойно сказал:

– Теперь мы превзошли сами себя. Но вы все равно не признаетесь, что это вы напортачили, так что забудьте. Если вы спрашиваете у меня, что теперь, то нет проблем. Теперь я мог бы взять собаку и отвезти в отдел Кремеру, но ведь мы

превзошли сами себя. Выяснили, что собака, как вы выразились, осиротела, что ужасно, но значит, ее можно усыновить, но вам же понадобилось сцепиться с Кремером, и теперь вы, конечно же, будете стоять на своем. Ладно, посидим с запертой дверью. Думаю, потихоньку смогу даже вывести его погулять, но что, если Кремер завтра вернется с ордером?

Вулф откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я взглянул на настенные часы: две минуты двенадцатого. Посмотрел на свои часы: тоже две минуты двенадцатого. Когда Вулф открыл глаза, и те и другие показывали, что прошло шесть минут.

– Судя по тому, что рассказал мистер Кремер, – произнес Вулф, – дело это вряд ли запутанное. – (Комментариев от меня не последовало.) – Если быстро его раскрыть, у тебя будет возможность честно выполнить свои обязательства перед собакой. До этого дня я считал, что не только я руководствуюсь нежеланием позволять полицейскому врываться в дом и хватать, кого ему вздумается или что вздумается, но и ты.

– Да. В пределах разумного.

– Звучит двусмысленно. Чтобы избежать разночтений, позволю себе дать свою трактовку. Разумеется, самый простой путь уладить возникший конфликт – выяснить, кто убил мистера Кампфа. Полагаю, работа небольшая. Если что-то пойдет не так, мы можем пересмотреть свое мнение. Расследование нужно начать немедленно, и, к счастью, у нас

есть повод. Пойдешь туда, чтобы вернуть плащ мистера Мигана и забрать свой, а там действуй по обстоятельствам. Лучше всего было бы привести этого Мигана сюда, но, насколько тебе известно, в таких вопросах я полностью полагаюсь на твоё благоразумие и сообразительность.

– Большое вам спасибо, – обиженно сказал я. – Это вы только сейчас полагаетесь.

– Да.

– Миган, наверное, ещё сидит в полиции.

– Вряд ли его там оставят ночевать. Скорее, вызовут ещё раз утром.

– Мне нужно выгулять собаку.

– Фриц выгуляет в нашем дворе.

– Черт меня побери! – Я поднялся. – Ни клиента, ни денег, ничего, кроме собаки с самым крупным вместилищем для мозга.

Я подошел к двери, развернулся, отчетливо повторил: «Черт меня побери!» – подошел к вешалке, взял шляпу и наподдал плащу Мигана.

Глава 3

Дождь закончился, ветер стих. Отпустив такси на углу Арбор-стрит, я перекинул плащ через руку и подошел к дому под номером 29. За занавесками в окнах первого этажа горел свет, в остальных было темно – и выше, и на цокольном. Я вошел в подъезд, прочел таблички над почтовыми ящиками и под кнопками звонков. Снизу вверх они шли в таком порядке: Таленто, Миган, Эланд и Чаффи. Я нажал на кнопку над именем «Миган» и в ожидании положил ладонь на дверную ручку. Щелчка не последовало. Я проверил ручку, она не поддавалась. Я еще раз нажал на кнопку, подержав палец на ней подольше, и еще раз подождал, тоже дольше. Позвонил иначе: дал четыре коротких звонка. Тишина.

Я вышел из подъезда и почти уперся в две пары любопытствующих, которые стояли на тротуаре и смотрели то ли на меня, то ли на дверь. Они обменялись между собой несколькими фразами, на мой вопросительный взгляд никак не отреагировали, повернулись и пошли дальше. Я задумался: не позвонить ли в квартиру на первом этаже, где горел свет, к Виктору Таленто, адвокату, но проголосовал за то, чтобы подождать Мигана, так как с ним был все же знаком, отошел от двери шагов на десять до пожарного гидранта и встал у стены.

Я пробыл там ровно столько, чтобы два раза сменить ногу,

когда на первом этаже в доме номер 29 погас свет, вскоре открылась дверь, и кто-то вышел. Он зашагал в мою сторону и, окинув меня быстрым взглядом, прошел мимо. Я подумал, что вряд ли обитателям дома позволили в эту ночь свободно перемещаться по городу, и оказался прав: когда объект отошел от дома шагов на тридцать, на противоположной стороне улицы от стены вдруг отделилась темная фигура и двинулась за ним следом. Я неодобрительно покачал головой. Я подождал бы, пока он не отойдет на сорок. Сол Пензер подождал бы в десять раз дольше, но Сол – лучший хвост на свете.

Пока я размышлял над ошибкой коллеги, мне в голову пришла идея. Миган может задержаться в полиции еще часа на два, если не на всю ночь, а может быть, его отпустили и он спокойно спит в своей постели. А тут у меня появился шанс предпринять хоть что-то. Я тоже отделился от стены и двинулся нагонять объект, который ушел вперед уже на целый квартал. Я зашагал широким шагом и стал быстро нагонять. На перекрестке я сначала обогнал коллегу, но тот шел по другой стороне и меня не интересовал. Объект, похоже, пошел быстрее. Я тоже пошел быстрее и поравнялся с ним на следующем перекрестке. Услышав мои шаги, он оглянулся на ходу. Я подошел поближе и окликнул его:

– Виктор Таленто?

– Никаких комментариев, – произнес он, не останавливаясь, но я не отставал.

– Спасибо за комплимент, – сказал я, – только я не из газеты. Меня зовут Арчи Гудвин, я работаю на Ниро Вулфа. Если вы остановитесь на секунду, покажу свои документы.

– Меня не интересуют ваши документы.

– Ладно. Если вы просто вышли подышать свежим воздухом, то и это вас не заинтересует. Если нет, то – возможно. Пожалуйста, не вскрикивайте и не оглядывайтесь. У вас на хвосте детектив из убойного отдела. Не смотрите туда, иначе он поймет, что я вас предупредил. Он на другой стороне улицы, примерно в девяноста шагах от вас.

– Да, – признал он на ходу, не меняя темпа, – это заинтересовало. Решили сделать доброе дело?

– Нет. Мистер Вулф прислал меня сюда вроде как для лозоходства. Ему захотелось расследовать это убийство просто так, ради практики, а я вроде как ищу выход жилы. Я подумал, что если помогу вам, то вы, возможно, ответите мне взаимностью. Если вы просто вышли подышать воздухом, прошу прощения, что помешал. Если же хотите сохранить в тайне цель своей прогулки, вам наверняка понадобится совет специалиста. В этой части города в это время есть лишь два проверенных способа стряхнуть хвост. Был бы рад помочь.

Он обдумывал мое предложение примерно полквартала, а я продолжал идти следом. Потом он произнес:

– Вы что-то сказали про документы.

– Точно. Можем остановиться вон под тем фонарем. Детектив не приблизится.

Мы остановились возле первого фонаря. Я достал бумажник и показал свои водительские права и лицензию детектива. Он был адвокатом, ему хватило одного взгляда на них, и я снова убрал бумажник в карман.

– Конечно, я понимал, что за мной могут следить.

– Ясное дело.

– Я хотел принять меры предосторожности. Но наверное... Видимо, это не так просто, как кажется. У меня нет опыта в подобных делах. Кто поручил Вулфу расследование?

– Не знаю. Мне он сказал, что хочет заняться им ради практики.

– Все в порядке, если он не нарушает закон.

Таленто стоял в круге света под уличным фонарем и оценивающе смотрел на меня. Он был на дюйм ниже меня, немного старше, с небольшим брюшком. Смуглый, темноглазый, нос крючковатый. Я на него не давил. Я кинул наживку, дальше – его проблема. Он думал.

– У меня назначена встреча, – наконец сказал он; я молча ждал, и он продолжил: – Мне позвонила женщина, и мы договорились встретиться. Мой телефон могут прослушивать.

– Сомневаюсь. Так быстро это не делается.

– Надеюсь. Эта женщина не имеет отношения к убийству, и я тоже, но, разумеется, все, что я сейчас делаю, и все, с кем я вижу, проверяется. Я не имею права подвергать ее риску, но вряд ли сумею избавиться от хвоста.

– И от меня, – ухмыльнулся я.

– Хотите сказать, вы тоже пойдете за мной?

– Конечно. Ради практики. Хотел бы я видеть, как вы избавитесь от меня.

Он не ответил на улыбку улыбкой.

– Теперь понимаю, Гудвин, как вы заслужили свою репутацию. Зря потеряете время. Эта женщина не связана с убийством никаким образом, хотя мне следовало бы подумать, прежде чем назначать ей встречу. Не стану упорствовать. Мы договорились встретиться всего в трех кварталах отсюда. Возможно, вы могли бы туда сходить, передать, что сегодня все отменяется, я свяжусь с ней завтра. Согласны?

– Конечно, если тут всего три квартала. При условии, что вы ответите тем же и съездите к Ниро Вулфу для небольшой беседы. Вот что я имел в виду, когда говорил о взаимности.

Он немного подумал.

– Не сегодня.

– Лучше сегодня.

– Нет. Я слишком устал.

– Как насчет завтра в одиннадцать?

– Да, завтра могу.

– Ладно.

Я дал ему адрес.

– Если забудете, это будет на вашей совести. А теперь проинструктируйте меня.

Он достал из кармана солидную пачку денег и вытащил двадцатку.

– Поскольку вы сейчас будете действовать как мой агент, то имеете право на вознаграждение.

Я снова усмехнулся:

– Приятно это слышать от адвоката, но я не буду действовать как ваш агент. Я всего лишь намерен сделать вам одолжение и в ответ буду ждать того же. Где назначена встреча?

Он убрал деньги в карман.

– Как хотите. Женщину зовут Джуэл Джонс. Она будет ждать меня на углу Кристофер-стрит и Гроув-стрит. Во всяком случае, придет туда. – Он посмотрел на свои часы. – Мы договорились встретиться в двенадцать. Она среднего роста, стройная, глаза темные, волосы тоже, на вид очень интересная. Объясните, почему я не пришел, и скажите, что я свяжусь с ней завтра.

– Ладно. Вам теперь лучше пойти в другом направлении, чтобы увести детектива. Идите и не оглядывайтесь.

Он хотел в знак признательности пожать мне руку, но это было бы не лучше, чем взять двадцатку, потому что вдруг Вулф еще до полуночи скажет, что он убийца, и потому я сделал вид, будто не заметил его жеста. Таленто двинулся на восток, я – на запад, и шел не оглядываясь. Мне нужно было убедиться, что детектив ничего не понял и не сменил объект, но я мог потерпеть, пока не дойду до Кристофер-стрит. На Кристофер-стрит я сначала свернул за угол, прошел двадцать шагов от угла до первого крыльца, спрятался за ступеньками, высунул голову и медленно сосчитал до ста. Ми-

мо прошла парочка и торопившийся куда-то парень, но хвоста не было. Тогда я прошелся до Гроув-стрит, пересек перекресток и, не увидев вокруг ни одной женщины, прошел дальше, развернулся и пошел назад. В восемь минут первого я делал уже пятый круг, и тут точно на углу остановилось такси, из него вышла женщина, и такси уехало.

Я подошел ближе. Освещение могло бы быть и получше, но она, похоже, соответствовала описанию. Я остановился возле нее и спросил:

– Джонс? – (Она напряглась.) – Я от Виктора.

Она откинула голову назад, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Кто вы такой?

Мне показалось, она слегка задыхается.

– Виктор попросил меня кое-что передать вам на словах, но, разумеется, сначала я должен убедиться, что разговариваю с тем, с кем нужно. Я назвал часть вашего имени и часть его, теперь ваша очередь.

– Кто вы такой?

Я покачал головой:

– Сначала вы, иначе никакого сообщения не услышите.

– Где он?

– Нет. Считаю до десяти и ухожу. Раз, два, три, четыре...

– Меня зовут Джуэл Джонс. Его зовут Виктор Таленто.

– Значит, вы и есть та самая девушка. Тогда рассказываю.

Так я и сделал. Поскольку ей полезно было прочувствовать ситуацию, я начал с того, как встал у пожарного гидран-

та напротив дома под номером 29 по Арбор-стрит, а затем изложил все в деталях, включая, разумеется, свое имя и род занятий. Под конец она стояла нахмурясь, и это было правильно.

– Черт возьми! – только и произнесла она с чувством, подошла и взяла меня под руку. – Идемте, посадите меня в такси.

Я остался стоять на месте.

– Буду только рад и сам сяду. Мы едем к Ниро Вулфу.

– Мы? – Она убрала руку. – Вы спятили!

– Неужели? Сами подумайте. Вы с Таленто назначили встречу ночью на улице. Значит, у вас есть веская причина желать, чтобы вас не увидели вместе. Причина, разумеется, срочная. Согласен, срочность не обязательно имеет отношение к убийству Филипа Кампфа, но ведь может иметь, а это уже требует обсуждения. Не хочу давить на вас. Могу отвезти вас в отдел по расследованию убийств к сержанту Стеббинсу – обсудите все с ним, или могу отвезти к мистеру Вулфу. На мой взгляд, лучше к мистеру Вулфу, но как хотите.

Шестеренки у нее были хорошо смазанные. В какую-то секунду во время моей речи глаза у нее сверкнули кинжальным блеском, потом взгляд стал мягче, затем умоляющим. Она снова взяла меня под локоть, на этот раз обеими руками.

– Давайте поговорим с вами, – сказала она голосом, которым дома, наверное, размораживала холодильник. – Я не против. Только сначала куда-нибудь пойдём.

Я сказал «давайте», и мы двинулись в направлении Седьмой авеню. Джуэл Джонс шла рядом, уютно просунув руку под мой локоть. Мы прошли немного, когда появилось такси, я его тормознул, и мы сели.

– Западная Тридцать пятая, дом девятьсот восемнадцать, – сказал я водителю, и машина тронулась с места.

– Что там такое? – спросила мисс Джонс.

Я сказал, что там дом Ниро Вулфа. Бедняжка не знала, что делать. Если обозвать меня крысой, это ничем не поможет. Если кричать и брыкаться, я просто дам таксисту другой адрес. Лучшее всего было бы меня растрогать, и если бы у нее было время, скажем часа четыре или пять, чтобы развернуться по-настоящему, она, возможно, чего-нибудь бы и добилась, потому что у нее явно был талант. Она не стала меня уговаривать или спорить, а просто сказала, что сразу поняла, какой я человек, что мне можно рассказать все, и я поверю ей и пойму ее, и лучше она все мне и расскажет, а после поедет со мной куда угодно и поступит так, как я посоветую, и выразила уверенность, что я не воспользуюсь ее...

Ей просто не хватило времени. Такси остановилось, и я отдал водителю приготовленную купюру. Я вышел, подал ей руку и подвел к нашим семи ступенькам, мысленно аплодируя экономности ее метода, не предполагавшего расход сил на протесты. Я отпер замок своим ключом, но дверь оказалась на цепочке. Я позвонил, и через мгновение на крыльце зажегся свет, а через другое – открылась дверь. Я жестом

пригласил ее войти и шагнул в дом за ней следом. Нас встретил Фриц.

– Мистер Вулф наверху? – спросил я.

– В кабинете.

Он одарил мисс Джонс взглядом, каким смотрит на всех незнакомых женщин, которые входят в этот дом. Фриц всегда держит в уме вероятность, пусть и отдаленную, что вдруг эта околдует Вулфа и он превратится в маньяка. Я попросил отвести ее в гостиную, а сам повесил шляпу и плащ на вешалку и прошел в кабинет.

Вулф сидел за письменным столом с книгой в руках, а посреди комнаты на лучшем в доме ковре, много лет назад подаренном Вулфу в знак благодарности армянским торговцем, попавшим в беду, лежал Джет. Когда я вошел, он поднял голову и застучал хвостом по ковру, а Вулф оторвал взгляд от книги и хмыкнул.

– Привел вам компанию скоротать вечерок, – сказал я. – Но прежде чем ее представить, я хотел бы...

– Ее? В этом доме живут одни мужчины! Впрочем, следовало догадаться, что ты где-нибудь обязательно найдешь женщину!

– Могу прогнать, если она вам ни к чему. А нашел я ее... – Я изложил только факты и закончил так: – Я, конечно, мог бы отвезти ее в одно хорошее местечко и там вытянуть из нее все, что можно, но это рискованно. Сюда мы ехали всего шесть минут, и за это время она смогла вызвать во мне... э-

э-э... братские чувства. Так нужна она вам или нет?

– Проклятье! – Он перевел взгляд на страницу и задержался на ней достаточно долго, чтобы дочитать абзац, дочитал, отложил книгу в сторону. – Хорошо, пригласи ее.

Я подошел к смежной двери в гостиную, открыл и позвал.

– Мисс Джонс, пройдите сюда, пожалуйста.

Она вошла в кабинет, по пути одарив меня печальной улыбкой, которой наверняка пронзила бы мне сердце, если бы я в этот момент не отвлекся. Отвлекся же я потому, что пес вдруг вскочил, развернулся на месте и бросился к ней, явно радуясь посетительнице. Встал перед ней, поднял голову – мисс Джонс не пришлось далеко тянуться, чтобы ее погладить, – и завил хвостом с такой скоростью, что я видел одно лишь размытое пятно.

– Вот как, – произнес Вулф. – Здравствуйте, мисс Джонс. Меня зовут Ниро Вулф. Как зовут собаку?

Я свидетель, она была на высоте. Собаку здесь она никак не ожидала увидеть. Но недрогнувшей рукой, без малейшего колебания, ласково погладила, потом оглядела кабинет, подошла и села в красное кожаное кресло.

– Очень странный вопрос, – сказала она, не изображая негодования. – Спрашиваете, как зовут вашу собаку.

– Пф! – неприятно удивился Вулф. – Не знаю, какую позицию вы решили занять, но, насколько я понял со слов мистера Гудвина, вы намеревались сказать, что договорились о встрече с мистером Таленто исключительно по личному де-

ду, не имеющему отношения к мистеру Кампфу или к его смерти, что вы не были с ним знакомы или знакомство это было поверхностным. Теперь этот пес разрушил ваши построения. Он прекрасно вас знает, а его хозяином был мистер Кампф. Следовательно, вы были неплохо знакомы с мистером Кампфом. Если вы попытаетесь отрицать этот факт, то и мистер Гудвин, и другие вполне опытные в своем деле люди начнут рыться и в вашем прошлом, и в настоящем, и это будет крайне неприятно, независимо от того, причастны вы или не причастны к убийству и к другим противоправным вещам. Вам не понравится. Так как зовут собаку?

Она посмотрела на меня, и я выдержал ее взгляд. При хорошем освещении она и в самом деле выглядела, как выразился Таленто, очень интересной. Не то чтобы она была невзрачна, но привлекала глаз скорее не красотой, а манерой. Это не то, что включалось в ней по мере необходимости; это было ее свойство, заметное даже в тот момент, когда она наверняка ломала голову над тем, как теперь быть.

На принятие решения ей потребовалось всего несколько секунд.

– Его зовут Бутси, – сказала она.

Пес, стоявший рядом с ней, поднял голову и завилял хвостом.

– Господи! – пробормотал Вулф. – Другого имени нет?

– Насколько я знаю, нет.

– Вас зовут Джуэл Джонс?

– Да. Я певица в ночном клубе «Фламинго», хотя в настоящий момент не работаю. – Она сделала жест – легкий, но в нем чувствовалась искренняя мольба, и хорошо, что теперь ей противостоял не я, а Вулф. – Поверьте, мистер Вулф, я ничего не знаю про убийство. Если бы я хоть что-то знала, могла хоть чем-то помочь, то, конечно, сразу же все рассказала бы, потому что знаю, вы из тех людей, кто все понимает, и вы не стали бы меня мучить без причины.

Она почти повторила то, что она говорила мне. Но не слово в слово.

– Я пытаюсь понять, – сухо сказал Вулф, – были ли вы близко знакомы с мистером Кампфом?

– Да, думаю, да. – Она улыбнулась, как улыбается один понимающий человек другому. – Какое-то время близко. Но не в последнее время, а больше чем два месяца назад.

– Вы видели эту собаку в его квартире на Перри-стрит?

– Да. Почти целый год я бывала там довольно часто.

– Вы поссорились с мистером Кампфом?

– О нет, мы не ссорились. Просто мы больше не встречались. У меня было... Я была очень занята.

– Когда вы встречались с ним в последний раз?

– Вы имеете в виду личную встречу?

– Нет. Просто встречу.

– Примерно две недели назад в клубе. Он приходил туда раза два, и мы поболтали.

– Но не ссорились?

– Нет, нам не из-за чего было ссориться.

– Вы не знаете, кто его убил и почему?

– Конечно нет.

Вулф откинулся на спинку кресла:

– Близко ли вы знакомы с мистером Таленто?

– Нет, если вы имеете в виду... Но мы, конечно, друзья.

Раньше я там жила.

– С мистером Таленто?

– Не с ним. – Она была немного шокирована. – Я не живу с мужчинами. Я там снимала квартиру на втором этаже.

– В доме номер двадцать девять по Арбор-стрит?

– Да.

– Как долго? Когда?

– Почти целый год. Я съехала... примерно три месяца назад. У меня теперь своя крохотная квартирка на Восточной Сорок девятой.

– В таком случае вы их всех знаете? Мистера Мигана, мистера Чаффи и мистера Эланда?

– Росса Чаффи и Джерри Эланда знаю, а Мигана – нет. Кто это?

– Жилец со второго этажа в доме номер двадцать девять по Арбор-стрит.

– Ну конечно, в этой квартире я и жила, – кивнула она и улыбнулась. – Надеюсь, ему починили этот чертов стол. Это была одна из причин, почему я съехала. Терпеть не могу мебелишки. А вы?

– В принципе, да, – скривился Вулф. – Насколько я понимаю, теперь у вас своя мебель. Вам помог мистер Кампф.

Она хохотнула, и глаза у нее лукаво блеснули.

– Вижу, вы не были знакомы с мистером Кампфом.

– Значит, он вам не помогал?

– Большое, огромное нет.

– А мистер Чаффи? Или мистер Эланд?

– Нет и нет. – Она говорила искренне. – Послушайте, мистер Вулф, купить мебель мне помог мой близкий друг, и давайте на этом закончим. Арчи сказал, что вас интересует убийство, а не моя личная жизнь, и у вас нет цели меня оскорбить, потому забудем про мебель.

Вулф настаивать не стал и сменил тему:

– Вы назначили встречу мистеру Таленто на улице – чего ради?

– Я думала об этом... – кивнула она, – то есть я думала, что скажу вам, когда вы об этом спросите, потому что было бы неприятно выглядеть в ваших глазах этакой пиявкой, а со стороны, возможно, все так и выглядит. Я позвонила ему, когда по радио передали, что Фил убит и где убит, а я знаю, что Вик по-прежнему живет в том же доме. Я просто хотела узнать подробности.

– Это можно было сказать по телефону.

– Вероятно, он не захотел говорить об этом по телефону.

– Но почему на улице?

На этот раз она рассмеялась по-настоящему:

– Мистер Вулф, теперь вы похожи на пиявку. Вы поинтересовались моей мебелью, да? Ну так вот: девушка, у которой есть своя мебель, не должна попадаться на глаза с человеком вроде Вика Таленто.

– Что он за человек?

Она отмахнулась:

– О, он всегда пытается стать поближе.

Вулф проговорил с ней до второго часа ночи, и я мог бы пересказать весь их разговор дословно, но вам это ничего не даст, как ничего не дало Вулфу. Он не смог ни поймать ее на чем-то, ни загнать в угол. Она не заглядывала на Арбор-стрит два с лишним месяца. Не виделась все это время ни с Чаффи, ни с Эландом, ни с Таленто, ни, разумеется, с Миганом, которого никогда не видела. Она не бралась даже предположить, кто мог убить Кампфа. Единственным слабым утешением для Вулфа за потраченный на нее час, был тот факт, что она также не знала ни единого человека, который имел бы права на Бутси. Если у Кампфа и были наследники, она понятия не имела, кто это. Когда она поднялась, чтобы уходить, пес тоже встал, и она погладила его, а он проводил нас до двери. Я вместе с ней дошел до Десятой авеню, посадил в такси и вернулся.

Я налил в кухне себе молока и со стаканом пришел в кабинет. Вулф пил пиво и потому не ворчал на меня. Он редко ворчит, когда пьет пиво.

– Где Бутси? – поинтересовался я.

– Ну нет! – сказал он с чувством.

– Ладно, – сдался я. – Где Джет?

– У Фрица. Будет спать там. Тебе он не нравится.

– Неправда, но дело ваше. Значит, вы больше не будете меня из-за него пилить, это главное. – Я сделал глоток молока. – Так или иначе, завтра явится Кремер с ордером, и его заберут.

– Не явится.

– Ставлю двадцать против одного. До полудня.

– Я оценил вероятность примерно так же, – кивнул он, – а потому, пока ты провожал мисс Джонс, позвонил мистеру Кремеру. Я предложил ему заключить соглашение и думаю, он решил, что если откажется, то собаки ему не видать, хотя я этого не сказал. Но, вероятно, создал впечатление.

– Ну да. Вам лучше бы быть с ним поосторожнее.

– Соглашение мы заключили. Так что завтра в девять утра ты вместе с собакой должен быть на Арбор-стрит, двадцать девять. Примешь участие в дурацком спектакле, который они задумали, и глаз не спускай с собаки. Пес будет в их распоряжении до полудня, после чего привезешь его сюда. В течение следующих двадцати четырех часов полиция не станет на него претендовать. Пока будешь в доме, поищи что-нибудь более полезное, чем эта сомнительная дамочка. Если хочешь, перед уходом зайди ко мне, возможно, что-нибудь присоветую.

– Я отказываюсь, – заявил я храбро, – говорить о ней в

таком тоне. Надеюсь, вы пошутили.

Глава 4

Было прекрасное солнечное утро. Плащ Мигана я с собой не взял, поскольку на этот раз не нуждался в предлоге и, учитывая сегодняшнюю программу, сомневался, что для обмена плащами найдется время.

Представитель закона стоял перед домом и ждал меня. Знаком собак был коренастый, средних лет полицейский, в очках без оправы. Перед тем как протянуть руку к Джету, он спросил, как его зовут, и я сказал:

– Бутси.

– Классное имя, – оценил он. – И поводок у тебя какой классный.

– Согласен. Старый поводок остался у трупа, так что сейчас, наверное, в лаборатории. – Я подал ему конец крепкой веревки. – Если укусит, я не виноват.

– Меня не укусит. Да, Бутси?

Он сел на корточки перед псом и заговорил с ним. Сержант Пэрли Стеббинс рывкнул почти над моим ухом:

– Тебя он должен был укусить, когда ты его увел.

Я оглянулся. Пэрли был выше меня на полдюйма и на два дюйма шире в плечах.

– Все у тебя смешалось, – сказал я ему. – Это женщины норовят меня укусить. А я иногда думаю, вот кто бы тебя укусил.

Мы обменивались любезностями, пока собачник, которого звали Лофтус, знакомился с Бутси. Вскоре он выпрямился и объявил, что готов приступить к работе, после чего нахмурился:

– Вообще-то, лучше завести его туда на поводке, как, наверное, завел Кампф. Или не завел? Рассказал бы мне немного побольше, Пэрли. Что нам известно?

– Ей-богу, мало, – ответил Пэрли, – черт побери! Но если собрать все, что мы нарыли, то картина выходит примерно такая. Когда Кампф с собакой пришел сюда, шел дождь и пес был мокрый. Потому Кампф оставил его в холле на первом этаже. Отстегнул поводок и так, с поводком в руке, поднялся к чьей-то квартире. Ему открыли, Кампф вошел, завязался разговор. Вероятно, тот, к кому пришел Кампф, напал сзади и задушил поводком. После чего сунул поводок в карман плаща. Тут нужны крепкие нервы и сила, чтобы перенести тело на первый этаж и положить у лестницы, но – черт возьми! – не мог же он оставить его в своей квартире и должен был постараться оттащить подальше. Среди этих четверых каждый мог бы это сделать при крайней необходимости, а уж случай требовал, что верно, то верно. Собака в момент убийства была, конечно, уже на улице. Пока Кампф находился в квартире своего убийцы, вышел Таленто, увидел собаку и прогнал.

– В таком случае, – возразил Лофтус, – Таленто чист.

– Нет. Тут никто не чист. Если убийца – Таленто, то он

мог убить, потом выйти из квартиры, выгнать собаку, вернуться к себе, вынести тело и оставить у лестницы, после чего выйти на улицу и попытаться отогнать собаку от дома. Ты же специалист по собакам. Что я тут неверно описал?

– Может быть, все верно. Зависит от собаки и от того, насколько они были дружны с хозяином. Крови-то не было.

– Тогда вот так я себе все и представляю. Если хочешь, чтобы это было на бумаге, можешь хоть весь день читать отчеты экспертов и показания жильцов.

– Как-нибудь в другой раз. Сейчас и этого хватит. Войдешь первым?

– Ага. Гудвин, пошли!

Пэрли шагнул к двери, но я возразил:

– Я буду рядом с собакой.

– Да ради бога! Пойдешь за Лофтусом.

Но тут я передумал. Мне было любопытно понаблюдать за экспериментом, а спина Лофтуса закрывала бы обзор. Так что я вошел в подъезд вместе с Пэрли. Дверь в подъезде нам открыл коллега Пэрли из отдела убийств, и мы прошли в небольшой холл, довольно чистый, но без изысков. Коллега закрыл за нами дверь, через пару минут снова открыл, и в холл вошли Лофтус с собакой. Лофтус, сделав два шага, остановился, собака тоже. Все происходило молча. Лофтус ослабил поводок. Бутси на него оглянулся. Лофтус наклонился, отвязал от ошейника веревку и поднял, показывая Бутси, что тот свободен. Тогда Бутси подошел ко мне и за-

вилял хвостом.

– Черт! – с отвращением воскликнул Пэрли.

– Ты же знаешь, я другого не ждал, – сказал Лофтус. – Я не верил, что он приведет нас туда, куда он вчера пришел с Кампфом, хотя все же считал, что он подойдет к месту, где лежало тело, а потом возьмет след и приведет к двери, из которой его вынесли, – к Таленто или вверх по лестнице. Гудвин, возьмите его за ошейник и подведите к лестнице.

Я выполнил, что велели. Пес пошел со мной без понуканий, но ничем не показал, что место это представляет для него какой-то интерес. Мы стояли там и смотрели на него. Он разинул пасть и зевнул.

– Отлично, – проворчал Пэрли. – Просто отлично. Тогда пошли дальше.

Лофтус подошел, снова взял Бутси на поводок, пересек холл и постучал в дверь. Дверь почти сразу открылась, и на пороге появился Виктор Таленто в жаккардовом халате радужных цветов.

– Привет, Бутси, – произнес он и наклонился погладить пса.

– Черт возьми! – разозлился Пэрли. – Я же просил: *молча!* Таленто выпрямился.

– Да, действительно. – Вид у Таленто был виноватый. – Прошу прощения, забыл. Хотите попробовать еще раз?

– Нет. Это все.

Таленто задом вошел в квартиру и закрыл за собой дверь.

– Нужно понимать, – сказал Лофтус Пэрли, – лабрадор не вцепится в горло, и ждать от него этого бессмысленно. Не такие это собаки. Самое большее, на что он способен, это выразить неприязнь или, может быть, зарычать.

Зарычал Пэрли:

– Оставь себе свои лекции! Так есть ли смысл продолжать?

– Само собой. Ты иди лучше первый.

Пэрли двинулся на меня. Я пропустил его и сам пошел следом. Площадка на втором этаже была узкая, темноватая, с двумя выходившими на нее дверями, ближе к лестнице и в конце. Мы с Пэрли встали спиной к стене напротив первой двери, пропуская вперед Лофтуса с Бутси. Они прошли мимо нас, и Лофтус постучал. Прошло секунд десять, послышались шаги, и в двери появился тип, который днем раньше выскочил от Вулфа как ошпаренный и унес мой плащ. Он был не причесан и без пиджака.

– Мистер Миган, это сержант Лофтус, – сказал Пэрли. – Взгляните на собаку. Вы когда-нибудь видели ее раньше? Погладьте ее.

– Сами гладьте, – фыркнул Миган. – Идите к черту!

– Вы когда-нибудь видели ее?

– Нет.

– Хорошо. Спасибо. Пошли, Лофтус.

Мы начали подниматься выше, и дверь у нас за спиной закрылась с громким стуком.

– Ну как? – спросил Пэрли, не оглядываясь.

– Он ему не нравится, – ответил Лофтус за нашей спиной, – но собакам много кто не нравится.

Площадка третьего этажа в точности повторяла нижнюю. Мы с Пэрли снова встали перед дверью, Лофтус подвел Бутси и постучал. Никто не ответил. Он постучал еще раз, громче, и тогда дверь приоткрылась на два дюйма, и раздался скрипучий голос:

– Вы с собакой.

– Перед вашей дверью, – сообщил Лофтус.

– Сержант, вы здесь?

– Здесь, – ответил Пэрли.

– Я же сказал вам, что эта собака меня не любит. На вечеринке у Филадельфия Кампфа... Я ведь говорил. Я не нарочно сделал ему больно, но ему показалось, что нарочно. Вы чего добиваетесь, хотите меня подставить?

– Откройте дверь! Собака на поводке.

– Не открою! Я вас предупреждал!

Пэрли зашевелился. Его твердая рука протянулась вперед, минуя плечо Лофтуса, и, упершись в дверь, продолжила движение. Дверь немного посопротивлялась и наконец открылась. У порога, цепляясь за край двери, стоял тощий человек в красно-зеленой полосатой пижаме. Пес зарычал на него и слегка попятился.

– Мы делаем общий обход, мистер Эланд, – сказал Пэрли, – и не могли к вам не зайти. Теперь можете снова

лечь спать. Что касается нашего якобы желания вас подставить... – Он замолчал, потому что дверь снова захлопнулась.

– Ты меня не предупредил, – проворчал Лофтус, – что они знакомы.

– Не предупредил. Я хотел посмотреть, как они встретятся. Осталась еще одна квартира.

Он пошел к ступенькам.

Площадкой верхнего этажа кто-то явно занимался. По размерам она была такой же, как и внизу, но на полу лежала красивая чистая дорожка бежевого цвета, стены были выкрашены в тот же оттенок, и на них висели несколько небольших картин. Пэрли встал у задней двери, а не у передней, а я прижался к стене, давая место для Лофтуса и Бутси. На стук Лофтуса в ответ сразу послышались шаги, и дверь широко распахнулась. Открыл ее художник Росс Чаффи, в рабочей старой коричневой блузе. Он был намного красивее трех других жильцов, высокий, стройный, с артистично уложенными темными волнистыми волосами и таким лицом, что ему, наверное, приятно было смотреть на себя в зеркало.

У меня тоже было время им полюбоваться, пока он стоял, улыбаясь нам совершенно непринужденно, но молча, как и велел Пэрли. Бутси тоже повел себя совершенно непринужденно. Когда все поняли, что тут кровь не прольется, Пэрли спросил:

– Вы знакомы с этой собакой, не так ли, мистер Чаффи?

– Конечно. Это прекрасный пес.

– Погладьте его.

– С радостью. – Он красиво наклонился. – Бутси, знаешь ли ты, что твой хозяин ушел? – Почесал пса за ушами. – Ушел навсегда, Бутси, и это очень печально. – Он выпрямился. – Что-нибудь еще? Я работаю. Люблю утренний свет.

– Это все, спасибо.

Пэрли повернулся, чтобы уйти, а я пропустил вперед Лофтуса с Бутси и пошел следом. Пока спускались по лестнице, ни у кого не возникло желания что-то сказать.

Когда мы оказались в холле первого этажа, Виктор Таленто открыл дверь и вышел:

– Звонили из окружной прокуратуры. Вы со мной закончили? Они хотят меня видеть.

– Закончили, – пророкотал Пэрли. – Можем вас подвезти.

Таленто сказал, что это замечательно и что он будет готов через минуту. Пэрли велел Лофтусу вернуть мне Бутси, и тот отдал мне поводок.

– Я мог бы, – сказал я с целью помочь, – подготовить для вас детальный анализ поведения собаки. Займет примерно неделю.

– Иди к черту и забери эту чертову псину! – рявкнул Пэрли.

Я отбыл. На улице все еще было прекрасное утро. Присутствие двух полицейских машин возле дома, где произошло убийство, собрало небольшую толпу, и мы с Бутси, выйдя из двери, тоже стали объектами интереса. Мы проигнорирова-

ли любопытные взгляды и пошли медленно, не спеша, время от времени останавливаясь, когда Бутси находил что-то достойное его внимания. Остановившись в четвертый или пятый раз примерно в квартале от дома номер 29, мы увидели отъезжавший квартет. Стеббинс и Таленто сели в одну машину, Лофтус с коллегой – в другую, и обе уехали.

Я немного укоротил поводок, и мы прошлись немного в западном направлении, пока не увидели пустое такси. Я остановил его, сел в машину, достал из бумажника пятидолларовую бумажку и протянул водителю.

– Спасибо, – сказал тот с чувством. – Это что, первый взнос за поездку?

– Ты это зарабатываешь, брат, – заверил я его. – Есть ли где-нибудь место примерно в квартале от Арбор-стрит и Корт-стрит, где ты мог бы постоять от тридцати минут до трех часов?

– Ну не три часа за пятерку.

– Конечно нет. – Я достал еще пятерку и отдал ему. – Вообще-то, вряд ли придется ждать долго.

– Тут есть парковка неподалеку. Только на улице без пассажира будут приставать.

– Пассажир будет – этот пес. Я предпочитаю на улице. Пес отличный. Когда вернусь, уточним стоимость. Ну, едем, посмотрим, где это.

Таксист включил передачу, и машина тронулась. В это время дня на Манхэттене остановиться негде, и мы покру-

тились, прежде чем нашли свободное место на Корт-стрит, всего в двух кварталах от Арбор-стрит. Таксист припарковался задом, и я вышел, опустив на три дюйма стекла. Я пообещал вернуться, как только смогу побыстрее, пошел в южном направлении и на втором перекрестке свернул направо.

На Арбор-стрит возле дома 29 не было ни толпы, ни полицейской машины. Я остался доволен. Войдя в подъезд, я позвонил в звонок под табличкой «Миган» и положил ладонь на ручку. Тишина. Позвонил еще дважды, снова не получил ответа и тогда позвонил Эланду. Сработало. После недолгой паузы раздался щелчок, я толкнул дверь, вошел, поднялся на два этажа, подошел к двери и властно постучал.

Из-за двери спросили:

– Кто там?

– Гудвин. Я только что был тут вместе со всеми. Я без собаки. Откройте.

Он посмотрел на меня в щелку, и дверь открылась. Джером Эланд все еще был в своей дурацкой пижаме.

– Ради бога, – простонал он, – что вам еще нужно? Я должен хоть немного поспать!

Я не стал извиняться.

– Мне нужно было сразу задать вам несколько вопросов, – сказал я, – но собака все усложнила. Не займу у вас много времени.

Поскольку он не был достаточно вежлив и не пропустил меня, пришлось войти, отодвинув в сторону его тощую фи-

гуру.

– Куда идти?

Он скользнул мимо меня и повел к креслам в гостиную. Вот за такие кресла Джуэл Джонс и ненавидит меблированные квартиры, и остальная мебель была не лучше. Эланд сел на край кресла и спросил:

– Ну так в чем дело?

Тут нужна была осторожность. Поскольку он считал, что я полицейский, я должен знать не слишком много, не слишком мало. Упомянуть имя Джуэл Джонс рискованно, так как копы вряд ли успели ее обнаружить.

– Нужно проверить некоторые моменты, – сказал я ему. – Как давно в квартире под вами живет Ричард Миган?

– Черт! Да я говорил это уже раз двадцать.

– Не мне. Повторяю: нужно проверить. Так сколько времени он здесь живет?

– Девять дней. Въехал неделю назад. Во вторник.

– Кто там жил до него? Непосредственно перед ним.

– Непосредственно – никто. Никто не жил.

– Квартира пустовала все то время, пока вы здесь живете?

– Нет, я ведь говорил: раньше там жила девушка, которая съехала месяца три назад. Ее зовут Джуэл Джонс, она прекрасная певица, и это она помогла мне устроиться в ночной клуб, где я сейчас выступаю. – Он пожевал губами. – Знаю я, что вам нужно. То, что вы сейчас делаете, – отвратительно. Хотите поймать меня, подловить на будто бы лжи, если

найдете неточность. Привели сюда эту собаку, чтобы она тут на меня рычала... Что поделать, не люблю я собак.

Он запустил пальцы в волосы. И когда привел свою прическу в полный беспорядок, изобразил жест, как конференсье в ночном клубе.

– Умри как собака, – сказал он. – Вот и Фил... умер как собака. Бедный Фил. Не хотел бы я еще раз такое увидеть.

– Вы сказали, – рискнул я, – что дружили с ним.

Он вскинул голову:

– Я такого не говорил. Когда это?

– Не совсем так. Другими словами. А что, не дружили?

– Нет. У меня нет друзей.

– Вы только что сказали, что девушка, которая здесь жила, помогла вам найти работу. Так поступают хорошие друзья. Или она была вам чем-то обязана?

– Ничем она мне не обязана. С какой стати мы о ней вспомнили?

– Это не я о ней вспомнил, а вы. Я только спросил, кто жил в квартире под вами. Зачем же вы связываете ее с этим делом?

– Я не связываю. Она не имеет к нему никакого отношения.

– Возможно. Была ли она знакома с Филипом Кампфом?

– Наверное, да. Конечно да.

– Хорошо ли она его знала?

Он покачал головой:

– Теперь вас интересуют люди, но я не тот человек, кому имеет смысл задавать подобный вопрос. Если бы Фил был жив, вы могли бы спросить у него и, возможно, он бы ответил. А я... я не знаю.

Я улыбнулся ему:

– Ваши слова, мистер Эланд, лишь разжигают во мне любопытство. Кто-то из жильцов этого дома убил Кампфа. Потому мы тут и ходим с вопросами, а когда задаем вопрос вам, вы стесняетесь отвечать, и мы, естественно, удивляемся, почему бы это. Если вы не желаете говорить о Кампфе и этой девушке, сами подумайте, какая тут может быть причина. А причина может быть, например, такая: это была ваша девушка, а Кампф увел ее у вас, и потому вчера, когда он пришел сюда, вы его убили. Или же, может быть...

– Она не была моей девушкой!

– Ну да... Или же, может быть, пусть она не была вашей девушкой, вы были ей многим обязаны, а Кампф сделал ей грязное предложение... или угрожал чем-то, и она хотела от него избавиться, и вы ей помогли. Или еще проще. У Кампфа могло быть что-то на вас.

Он откинул назад голову и посмотрел на меня будто сверху вниз.

– Вы сели не в тот вагончик, – заключил он. – Вам следует идти на ТВ и писать сценарии.

Я провел с ним еще несколько минут, выжав все, на что мог надеяться в тех обстоятельствах. Поскольку я не мешал

ему думать, будто состою на жалованье у города, то не мог убеждать его прогуляться к Вулфу. К тому же нужно было зайти еще в два места, и в любую минуту меня мог остановить телефонный звонок или курьер от коллег из управления. Единственное, что я точно выяснил про Джерома Эланда, – это что ему не приходит в голову пытаться отвести подозрения от себя, наводя тень на соседей. Он понятия не имел, кто убил беднягу Филя. Когда я уходил, он встал, но позволил мне самостоятельно дойти до двери и открыть ее.

Я спустился на второй этаж, постучал к Мигану и стал ждать. Когда я собрался постучать кулаком погромче, в квартире послышались шаги, и дверь открылась. Миган по-прежнему был без пиджака и не причесан.

– В чем дело? – спросил он.

– Вернулся, – сказал я твердо, но не нахально, – чтобы задать кое-какие вопросы. Вы не возражаете?

– Вы прекрасно знаете, что возражаю.

– Разумеется. Мистер Таленто вызван в окружную прокуратуру. Наша беседа, возможно, избавит вас от такой необходимости.

Он отступил в сторону и пропустил меня внутрь. Комната была того же размера и формы, что и у Эланда, и мебель, хотя и другая, была не лучше. У стены стоял кособокий стол. Вероятно, тот самый, который так и не отремонтировали для Джуэл Джонс. Я сел на стул у этого стола, Миган сел на другой и, нахмурившись, уставился на меня.

– Мы уже с вами встречались? – полюбопытствовал он.

– Разумеется, мы к вам заходили с собакой.

– Я имею в виду раньше. Разве не вы были вчера у Ниро Вулфа?

– Я.

– Каким образом?

Я поднял брови:

– Не перебарщиваете ли вы, мистер Миган? Я здесь, чтобы задавать вопросы, а не отвечать. Я был у Вулфа по делу. Я там бываю часто. Теперь...

– Высокомерный жирный недоумок!

– Возможно, вы в чем-то правы. Высокомерный, безусловно. Теперь к делу. – Я достал блокнот и карандаш. – Вы въехали в эту квартиру девять дней назад. Пожалуйста, расскажите, как именно вы ее нашли.

Он сверкнул на меня глазами:

– Я рассказывал это уже минимум три раза.

– Знаю. Это обычная процедура. Я не намерен ловить вас на мелких неточностях, но вы могли упустить что-то важное. Просто представьте, что я ничего не знаю. Давайте!

– Бог ты мой...

Он наклонил голову, поджал губы. Наверное, обычно он выглядел неплохо, светловолосый, сероглазый, с худым длинным лицом, но сейчас, после целой ночи – или большей ее части – с людьми из убойного отдела и окружной прокуратуры, он оставлял ужасное впечатление, особенно глаза,

покрасневшие и опухшие.

Он поднял голову:

– Я профессиональный фотограф... Был им в Питтсбурге. Два года назад я женился на девушке по имени Маргарет Райан. Через семь месяцев она от меня ушла. Я не знал, сама или к кому-то. Просто взяла и ушла. Из Питтсбурга она уехала – во всяком случае, там я ее не нашел, и ее семья ничего о ней не знала. Месяцев через пять, то есть примерно год назад, мой давний знакомый, который не раз заказывал мне работу, съездил в Нью-Йорк, а потом сказал, что был там в клубе и видел ее с каким-то мужчиной. Он к ней подошел и заговорил, но она заявила, что он ошибся. Он не поверил. Я приехал в Нью-Йорк и неделю искал ее, но так и не нашел. В полицию не заявлял, потому что не захотел. Вам требуется причина получше, а у меня какая есть.

– Это я пропущу. – Я делал пометки в блокноте. – Дальше.

– Две недели назад, в Питтсбурге, я пошел на выставку в институт. Там была одна картина – холст, масло. Большая. Называлась: «Три молодые кобылицы на пастбище». На ней – комната и три женщины. Одна лежит на диване, а две на полу на ковре. Все едят яблоки. Та, что на диване, – моя жена. Я узнал ее, как только увидел, а когда рассмотрел, сомнений никаких не осталось. Я абсолютно уверен.

– Значит, так и есть, – сказал я. – Как вы поступили?

– Картина была подписана неразборчиво, вроде как «Черри», но я нашел его имя в каталоге. Росс Чаффи. Я сходил

в канцелярию института и навел справки. Мне сказали, что он живет, кажется, в Нью-Йорке. Мне нужно было закончить заказ, это заняло несколько дней, а потом я приехал в Нью-Йорк. Адрес я нашел сразу, Росс Чаффи значится в телефонном справочнике. Я пришел к нему в мастерскую – сюда, в этот дом. Сказал, что мне понравилась одна его модель, та, которая на диване, и я хотел бы использовать этот образ для фотографий, которые я задумал. Однако он ответил, что его мнение о фотографии как об искусстве таково, что он не желает делиться моделями, после чего попытался меня выставить, и я рассказал все как есть. Всю историю. Тогда он сменил тон. Посочувствовал мне и сказал, что был бы рад помочь, если бы мог, но картине этой год с лишним, а он с тех пор много написал и вряд ли вспомнит, кто это. – Миган замолчал, и я поднял на него глаза от блокнота. – Говорю еще раз, – произнес он с вызовом, – я ему не поверил.

– Сколько хотите. Вы рассказываете, не я.

– Повторяю, это было вранье. Это фотограф может нащелкать за год сотню моделей и забыть, кого как зовут, но не художник. И не такая это картина. Я повел себя немного бестактно, за что потом извинился. Он сказал, что, возможно, вспомнит, и попросил меня позвонить ему на следующий день. Но я не позвонил, а пришел, а он сказал, что не вспомнил и вряд ли когда-нибудь вспомнит. На этот раз я вел себя прилично. При входе в дом я заметил объявление, что сдается квартира с мебелью, и, когда вышел от Чаффи, нашел

управляющего, договорился о найме, потом съездил в отель за вещами, после чего поселился здесь. Черт возьми, я же знал, что его моделью была моя жена, и знал, что теперь могу ее найти! Мне хотелось быть как можно ближе к Чаффи и ко всем, кто к нему приходит.

Мне тоже кое-чего хотелось. Например, спросить, нет ли у него фотографии жены, и взглянуть на нее хотя бы одним глазком, но, конечно, не рискнул, так как он уже либо отдал ее копам, либо отказался отдать, либо сказал, что нет. Потому я лишь спросил:

– Добились ли вы чего-нибудь?

– Не особенно. Попытался подружиться с Чаффи, но он не очень-то шел навстречу. Познакомился с двумя другими жильцами, с Таленто и Эландом, но это совсем ни к чему не привело. Потом решил обратиться за помощью к специалисту и тогда съездил к Ниро Вулфу. Вы там были и знаете, чем закончилось. Пузырь раздутый.

– У него раздутое эго, – кивнул я. – Чего вы от него хотели?

– Я уже говорил.

– Скажите еще раз.

– Я попросил его поставить жучок в телефон Чаффи и прослушивать разговоры.

– Это незаконно, – сурово сказал я.

– Ладно, я же ничего не сделал.

Я перелистнул в блокноте страницу:

– Вернемся немного назад. За эту неделю кого, не считая соседей, вы видели с Чаффи?

– Видел двоих, как уже говорил. Один раз у него в мастерской, молодую женщину, модель... имени не помню. Другой – там же в мастерской – мужчину, который, как сказал Чаффи, покупает его картины. Того звали Бронштейн.

– Вы забыли упомянуть Филипа Кампфа.

Миган бухнул на стол кулак и подался вперед:

– Нет, не забыл. Я никогда его не видел и о нем не слышал.

– Что бы вы сказали, если бы я сказал, что вас с ним видели?

– Сказал бы, что вы наглый лжец! – Его красные глаза покраснели еще больше. – Будто мне мало своих неприятностей, так еще вы привязались с убийством человека, о котором я вообще ничего не знаю! Привели мне собаку, чтобы я ее погладил. Бог ты мой!

– Да, вам не повезло, мистер Миган, – кивнул я. – Вы не первый человек, чьи планы вдруг рушатся из-за чьего-то убийства. – Я закрыл блокнот и убрал в карман. – Советую вам найти способ решить свои проблемы без прослушки чужих телефонов. – Я встал. – Пожалуйста, не уезжайте из города. Вы можете понадобиться полиции.

Он пошел открывать мне дверь. Я хотел бы узнать поподробнее о прогрессе в его отношениях с Россом Чаффи – или о его отсутствии, – а также о встречах с двумя другими соседями, но решил сначала, пока еще есть возможность,

поговорить с Чаффи. Когда я поднялся к нему, мои часы показывали двадцать восемь минут одиннадцатого.

Глава 5

– Понимаю, жаловаться бессмысленно, хотя вы не даете работать, – сказал Росс Чаффи. – Да, таковы обстоятельства. Он был очень любезен.

Верхний этаж отличался от остальных. Не знаю, как выглядели комнаты в жилой части, но мастерская была просторная, с высоким потолком и какая угодно, только не убогая. Скульптуры, большие и маленькие, стойки с пачками холстов всех размеров. Стены задрапированы серой тканью, на них ничего не висело. Два мольберта, большой и поменьше – на том и на другом стояли холсты в работе. Я увидел несколько жестких стульев и два мягких и очень большой, почти квадратный диван. Чаффи, по-прежнему одетый в рабочую блузу, предложил мне мягкий стул, а сам сел напротив на жесткий.

– Только, пожалуйста, не тяните, – попросил он.

Я сказал, что не буду.

– Есть пара моментов, – начал я, – которые немного неясны. Возможно, конечно, это просто совпадение, что Ричард Миган приехал в Нью-Йорк искать жену, нашел вас и снял здесь квартиру всего за девять дней до убийства Кампфа, но такое совпадение заслуживает внимания. Честно говоря, мистер Чаффи, кое-кому, например мне, не верится, будто вы не можете вспомнить имя женщины, которая была моделью

для центральной фигуры вашей картины. Я знаю, вы утверждаете, что так и есть, но верится с трудом.

– Дорогой сэръ, – Чаффи заулыбался, – в таком случае вы, должно быть, считаете, что я лгу.

– Я этого не сказал.

– Но думаете, конечно. – Он пожал плечами. – Зачем? Какой в этом глубокий смысл?

– Откуда же мне знать. Вы говорили, будто хотите помочь Мигану найти жену.

– Нет, не хотел. Хотел бы. Он ужасный зануда.

– Наверняка высший класс.

– Да. Именно.

– Вероятно, имело смысл приложить некоторые усилия, чтобы от него избавиться. Вы пытались?

– Я написал, как именно я пытался, и подписал показания. Мне нечего добавить. Я хотел бы вспомнить. Один из ваших коллег предложил для этого съездить в Питтсбург, посмотреть на картину. Наверное, пошутил.

Раздражение, вспыхнувшее в его красивых темных глазах, которые были такими ясными, как будто он проспал часов восемь, напомнило мне, что я должен был бы читать его показания, и если он вдруг заподозрит обратное, то может спросить, кто я такой.

Я посмотрел на него честными глазами:

– Мистер Чаффи, все это не нравится никому. Дальше будет хуже, а не лучше, и так до тех пор, пока мы не найдем

убийцу. Вы все, кто живет в этом доме, наверняка знаете что-то друг о друге и, возможно, знаете о чем-то в связи с Кампфом, но не рассказываете. Я не жду, чтобы такой человек, как вы, просто так поливал бы грязью соседей, но, когда дело касается убийства, любая грязь все равно выйдет наружу, и если вы что-то знаете и молчите, то вы еще больший дурак, чем кажетесь.

– Какая речь! – Он опять улыбался.

– Благодарю. Ваша очередь.

– Я не настолько красноречив. – Он покачал головой. – Нет, не смогу вам ничем помочь. Не стану утверждать, что я совсем уж далек от грязи, это было бы слишком, но все это не то, что вам нужно... нет. Вам известно мое мнение о Кампфе, которого я хорошо знал. Он был во многих отношениях замечательный человек, но у него было много недостатков. Примерно то же самое могу сказать о Таленто. С Эландом я знаком мало и, уж конечно, не близко. О Мигане знаю не больше, чем вы. Понятия не имею, почему кто-то из них мог бы убить Филипа Кампфа. Если вы думаете, что...

Тут зазвонил телефон. Чаффи подошел к столику рядом с диваном и снял трубку. Сказал пару раз «да», потом короткую фразу, потом:

– Но один из ваших людей сейчас здесь... Не знаю, имени не спросил... Может быть... не знаю... Хорошо: сто пятьдесят пять, Леонард-стрит... Да, могу выйти через несколько минут.

Он повесил трубку и повернулся ко мне. Я заговорил первым, уже вставая:

– Значит, вас вызвали к окружному прокурору. Не говорите там, что я сказал о них, но они скорее сунут дело в папку и будут держать, пока ад не замерзнет, чем дадут нашему отделу спокойно работать. Если им нужно мое имя, они знают, кого спросить.

Я дошел до двери, открыл ее и ушел.

Полицейских машин по-прежнему не было. Я свернул налево на Корт-стрит, прошел два квартала и с облегчением увидел такси с пассажиром, который сидел на своем месте и смотрел в окно. Если бы таксист укатил с ним вместе, чтобы продать, или под каким-нибудь предлогом его увел бы Стеббинс, я не рискнул бы возвращаться домой. Пес мне, похоже, обрадовался, а как, черт возьми, иначе! Пока мы ехали на Тридцать пятую улицу, он сидел, привалившись ко мне спиной, как к стенке. На счетчике было всего-то шесть долларов с мелочью, но сдачи я не спросил. Если Вулф хочет навязать мне расследование убийства только по той причине, что он вдруг проникся теплыми чувствами к собаке, ему это дорого обойдется.

В кабинете я отметил про себя, что Джет сразу уверенно направился к Вулфу, который сидел за столом, чем подтвердил мои подозрения, что вчера вечером, пока я отсутствовал, Вулф его подзывал, и, может быть, даже угощал, и, может быть, даже гладил. На ум пришли кое-какие мысли, но

я их придержал. Вполне возможно, скоро меня вызовут кое-куда, и придется потратить часть моего драгоценного времени, доказывая, что я не по своей вине выдавал себя за полицейского детектива, а если подозреваемые приняли меня за возможного убийцу, я тоже ни при чем.

Вулф поставил на стол пустой стакан из-под пива и спросил:

– Ну как?

Я отчитался. Ситуация требовала полного, детального отчета, и я его представил, а Вулф слушал с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Когда я закончил, он ни о чем не спросил. Но открыл глаза, сел прямо и начал говорить:

– Позвони...

– Минуточку, – перебил я его. – Я трудился все утро, потому требую удовлетворения: хочу сам внести предложение. Давно об этом мечтал. Как называется институт в Питтсбурге, где есть выставочный зал?

– Именно. Попал пальцем в небо.

– Знаю, но звонок будет вам стоить всего один доллар. Я только что заплатил за такси десятку. Так как он называется?

– Питтсбургский институт искусств.

Я повернулся к своему телефону, поговорил с телефонисткой и стал ждать соединения. С институтом меня соединили почти мгновенно, хотя там четверть часа искали трех разных человек, которые могли бы ответить на мой вопрос.

Я положил трубку и повернулся к Вулфу:

– Выставка закончилась неделю назад. В Питтсбург, слава богу, ехать не придется. Картину выставлял мистер Герман Бронштейн из Нью-Йорка, которому она и принадлежит. Ее отправили ему курьером четыре дня назад. Адреса Бронштейна не дали.

– Телефонный справочник.

Справочник был уже у меня в руках, и я листал страницы.

– Вот и он. Магазин на Брод-стрит, квартира на Парк-авеню. Герман тут только один.

– Звони.

– Нет. Он может заупрямиться. Тогда на это уйдет целый день. Лучше я съезжу к нему без звонка. Может, он дома. Если меня не пустят, можете меня выгнать. Все равно я думаю уволиться.

Вулф посомневался, поскольку это была моя идея, но купился. Я немного подумал, подошел к книжному шкафу, открыл нижние дверцы и достал фотоаппарат со всеми аксессуарами, перекинул через плечо ремень футляра, сказал Вулфу, что не вернусь, пока не увижу картину, где бы она ни находилась, и ушел. Впрочем, сначала я набрал номер Таленто, чтобы сказать ему, что все в порядке, вчерашняя встреча прошла нормально, только он не снял трубку. Либо до сих пор торчал в офисе окружного прокурора, либо сам ехал на Тридцать пятую улицу, но, если он явится в мое отсутствие, ничего страшного, там Джет, и значит, есть кому защитить

Вулфа.

Такси остановилось перед одним из роскошных огромных домов на Парк-авеню в районе Семидесятых, я вышел и напрямую пошел к подъезду, где хотел пройти мимо швейцара, сделав вид, будто его не вижу, но он меня окликнул. Я бросил на ходу как настоящий профессионал: «Бронштейн, съемка, опаздываю» – и он меня не остановил. Я пересек роскошный холл, вошел в лифт, который, к счастью, стоял с открытой дверью, сказал: «К Бронштейну, пожалуйста» – и лифтер закрыл двери и нажал на кнопку. Лифт остановился на двенадцатом этаже, где я и вышел. Там было две двери – одна справа, другая слева, – и я повернул к правой, наудачу – пятьдесят на пятьдесят, не спрашивая у лифтера, который стоял рядом с открытой дверью и вполне мог меня развернуть.

Это было одно из самых простых заданий, которые мне когда-либо доставались. В ответ на мой звонок дверь открыла средних лет дылда в униформе горничной с передником, а когда я сказал, что пришел фотографировать, она меняпустила, попросила подождать и исчезла. Через пару минут из арочного проема появилась высокая, важного вида седая дама, которая спросила, что мне нужно. Я извинился за беспокойство и сказал, что был бы очень признателен, если бы мне разрешили сфотографировать картину, которая, с позволения мистера Бронштейна, только что выставлялась в Питтсбургском институте искусств. Картина назы-

вается «Три юные кобылицы на пастбище». Один мой клиент в Питтсбурге восхищен этим полотном и намеревался сам сфотографировать его себе на память, но опоздал: выставка закрылась, а картину вернули владельцу.

Она захотела узнать кое-какие детали, например мое имя, адрес, имя клиента в Питтсбурге, и я эту информацию охотно ей предоставил, даже не заглянув в сценарий, после чего через арочный проем она провела меня в зал, немногим меньше, чем «Мэдисон-сквер-гарден». Было бы приятно, а также полезно немного поглазеть на ковры, мебель и всякие разные предметы, особенно на картины, которых там висело штук десять, если не больше, но с этим пришлось подождать. Дама провела меня прямым ходом в дальний конец зала и показала на висевшую там картину: «Вот она», после чего опустилась в кресло.

Картина была хорошая. Я был почти уверен, что кобылицы изображены без одежды, но они были одетые. Я сказал, неудивительно, что мой клиент хочет иметь фотографию этого полотна, и занялся установкой треноги и вспышек. Дама сидела и наблюдала. Я сделал снимки с разных точек, действуя, как я надеялся, профессионально, после чего сложил свои принадлежности в чемодан, тепло поблагодарил хозяйку от имени клиента, пообещал прислать ей несколько снимков и удалился. Дело было сделано.

Выйдя из подъезда, я направился на запад к Мэдисон-авеню, потом повернул в центр, нашел по пути аптеку, вошел в

телефонную будку и набрал номер.

Снял трубку Вулф.

– Да? Кого надо?

Я сто раз объяснял ему, что нормальные люди так не говорят, но он чертовски упрям.

– Вас надо, – ответил я. – Я нашел картину и должен сказать: никогда бы не подумал, что этот жеребец такой художник. Картина просто светится, сияет красками и жизнью, там будто кровь пульсирует под теплой кожей. Тени прозрачные, гамма гармоничная...

– Хватит! Да или нет?

– Да. Вы ведь уже знакомы с миссис Миган. Хотите еще раз встретиться?

– Хочу. Привези ее.

Мне не пришлось тратить время на поиски адреса в телефонном справочнике, потому что я уже его там нашел. Выйдя из аптеки, я поймал такси.

На Восточной Сорок девятой улице проблем со швейцаром не было. Дом был старый кирпичный, но выкрашен в яркий желтый цвет, модернизированный, с отличным новым лифтом без лифтера, хотя этого я не понял, пока там не очутился. Войти в дом оказалось сложновато. Нажать в подъезде на кнопку с именем «Джуэл Джонс» было просто, а также снять висевшую на стене трубку, поднести к уху и встать поближе к решетке переговорного устройства, а дальше – нет.

В трубке скрипнуло:

– Да?

– Мисс Джонс?

– Да. Кто это?

– Арчи Гудвин. Мне нужно с вами увидеться. У меня нет сообщения от Виктора Таленто.

– Что вам нужно?

– Впустите меня, и я все объясню.

– Нет. В чем дело?

– Дело очень личное. Если не хотите меня выслушать, пойду приведу Ричарда Мигана. Может быть, с ним поговорите.

Я услышал, как она тихо охнула. Ей следовало бы знать, что домофоны очень чувствительны. Пауза длилась недолго.

– Почему вы о нем вспомнили? Я же сказала, что не знаю никакого Мигана.

– Вы не поспеваете за событиями. Я только что видел картину «Три молодые кобылицы на пастбище». Дайте войти.

Снова наступила пауза, и связь прервалась. Я повесил трубку на рычаг, повернулся и взялся за ручку. Раздался щелчок, я толкнул дверь, вошел, пересек небольшой холл к лифту. В лифте нажал на кнопку с цифрой 5, и лифт стал подниматься. Когда он остановился, я вышел на крохотную площадку. Дверь в квартиру была открыта, и на ее пороге стояла мисс Джонс в домашнем голубом платье. Она хотела было что-то сказать, но я невежливо это проигнорировал.

– Послушайте, – начал я, – нет смысла продолжать в та-

ком духе. Вчера я предложил вам выбрать между мистером Вулфом и сержантом Стеббинсом, а теперь – либо мистер Вулф, либо Миган. Мне кажется, вы предпочли бы мистера Вулфа, потому что он способен понять другого. Я подожду здесь, пока вы не переоденетесь, только не пытайтесь никому звонить, потому что без мистера Вулфа вы не выберетесь из этой ситуации, а кроме того, их телефоны, вероятно, прослушиваются. Не надевайте ничего красного. Мистер Вулф не любит красный цвет. Он любит желтый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.